

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЕК
РОМАНЫ О
ЛЕГЕНДАРНОЙ ЛЮБВИ

НАТАЛЬЯ ПАВЛИЩЕВА

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЕК

РОКСОЛАНА
И СУЛТАН

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П12

В коллаже на обложке использована фотография:
© Axel Schmies / mauritis images / Фотобанк Лори

Павлицева, Наталья Павловна.

П12   **Великолепный век. Роксолана и Султан / Наталья Павлицева.** — Москва : Яуза-пресс, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-9955-1004-8

Женский бестселлер в лучших традициях жанра. Захватывающий роман о легендарной Роксолане, ставшей любимой женой султана Сулеймана Великолепного, чье царствование вошло в историю как «Золотой век» Османской империи.

Она попала в плен во время татарского набега на русские рубежи и за редкую красоту была оценена на вес золота. Она окончила специальную школу наложниц, где готовили девушек для лучших гаремов, обучая не только любовному искусству, но и поэзии, языкам, музыке, танцам, — и была преподнесена в дар Сулейману, который полюбил ее с первого взгляда. Но мало завоевать сердце султана — нужно еще и победить в гаремных «боях без правил», уберечься от мести старших жен, пережить не одно покушение. Удастся ли Роксолане избежать яда и кинжала наемных убийц? Через что придется пройти, дабы стать не просто любовницей, а советницей и кадимой — неофициальной женой султана? Сможет ли она подарить ему наследника престола, обрести свободу и взойти на трон Османской империи в качестве законной супруги Сулеймана Великолепного?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-1004-8

© Павлицева Н.П., 2018
© ООО «Яуза-пресс», 2018

Воля — неволя...

Мзыка... она сводила с ума, потому что была протяжной, тоскливой, усиливая и без того мрачное настроение. Неволя... Что может быть горше? Особенно если попала в нее прямо перед свадьбой. Налетели, дома подожгли, людей рубили без жалости и часто без смысла. Крик женский и детский стоял такой, что и бушующее пламя заглушить не могло. Но не дома, не скарб стали главной добычей набегников, они гонялись за людьми, прежде всего за девушками и женщинами.

Насте пересидеть бы, спрятаться в кустах или вообще лесу, но увидела, как занялась церковь, в которой отец был священником, метнулась:

— Тато!

И попала на глаза страшному, черному... Подхватил прямо с земли в седло, захохотал, помчал... И кончились Настина волюшка и прежняя жизнь.

Не у нее одной, у этого торговца невольниками оказались пятеро рогатинских девушек, а сколько еще у других?

Из задумчивости Настю вывел окрик хозяина, ему тоже не понравилась мелодия. Завели другую, более живую, зазвучали бубны, зазвенели какие-то колокольчики, но веселья все равно не получалось: видно, на душе у музыкантов не радостней, чем у полонянок, а может, они и сами невольники? Хозяин снова закричал, музыка прекратилась вовсе.

И тогда Настя вдруг затынула песню, свою, домашнюю, ту, что пели на воле. Девушки подхватили. Теперь черный страшный степняк кричал уже на них. Кричал, но бить не бил, только вращал глазами страшно и плетью размахивал.

— А драться боится?

Одна из полонянок усмехнулась:

— Мустафа? Боится шкуры наши попортить.

— Какие шкуры?

— Кожу нежную, девичью. Чтоб следов не осталось.

— А если я сама себе попорчу?

Девушка, что объясняла, горестно вздохнула:

— Ты, видать, только попала в полон, не знаешь, каково это. Отберут красивых, остальных отправят на тяжелую работу по дому. А из красивых снова отберут умных.

— Зачем это?

Настя подседела ближе, чтобы тоже послушать, что станет говорить девушка. Та тяжело кашляла, задышалась, видно, была больна, но продолжила:

— Пока говорить могу, скажу вам, чего бояться и как себя вести. Бежать отсюда некуда, вокруг — то ли степь, то ли море будет. А когда в Кафу при-

везут, так и вовсе чужой город. Потому, если жить хотите, привыкайте.

Невольницам два пути: некрасивым, как уже сказала, в рабыни на тяжелый труд, а тем, кто лицом да станом удался, путь в наложницы. Это рабыни для услады.

— Какой еще?

— Мужчин услаждать. Их мужчины, кроме четырех жен, еще могут сколько угодно вот таких рабынь держать, чтоб каждую ночь новая была. Гарем называется. Кто поспособней, тех обучать начнут.

— Чему же?

— А многому. Языку своему и многим чужим, какие выучишь. Письму, счету, пению, танцам, играть научат на разных инструментах, Коран обязательно...

— Это что?

— Вроде Библии нашей или Священного Писания.

— Читать?

— Нет, женщине его читать не положено, это для них Святая книга. Только пересказывать станут, а вы чтоб запоминали. А еще как мужчину ублажать...

Настя, не выдержав, звонко расхохоталась:

— А это как?

— Куклы у них есть деревянные, станут учить, как с нее халат снять, как разуть, как приласкать...

— Вот еще!

— А кто спрашивать будет?

— Ты сама говорила, что шкуру попортить бо-
ятся? Так я ее испорчу!

— И попадешь, порченная, в рабыни к какому-
нибудь злому хозяину, станет тебя бить ежеднев-
но, голодом морить и насиловать.

— Ой!

— А ты как думала? Но ты-то красивая — если
не дура и учиться сможешь, в любой гарем попа-
дешь.

— А если я не хочу?

— Ты свои желания дома оставила, здесь они
никому не нужны. Здесь только одно: выжить и
попасть в хорошие руки...

Девушка еще что-то рассказывала, но Насте уже
вовсе не хотелось слушать. Ее слова не лучше то-
скливой музыки.

Пока их и впрямь берегли, даже связывали мяг-
кой веревкой, чтоб кожу рук не натереть, а дальше-
то что?

Вдруг дверь распахнулась явно от удара снару-
жи, двое слуг втащили и безжалостно бросили по-
середине девушку. Она была сильно избита, лицо
залито кровью, рука неестественно выгнута.

Настя, не выдержав, бросилась к бедняге. Ее
примеру последовали еще двое.

— За что ее так?!

Слуга обернулся от двери, коверкая язык, корот-
ко бросил:

— Бежат памагла. Шайтан!

Двери закрылись, сквозь небольшие щели про-
никало мало света, но глаза девушек уже привык-

ли к полумраку. Они принялись отирать кровь у бедолаги, смочили ее губы, дали немного попить. Рука видно, была сломана в суставе, потому что, стоило ее тронуть, девушка закричала. Но среди полонянок нашлась разумная, все же устроили подобие лубка, избитой стало легче.

— Кому ты бежать помогла?

— Марысе...

Голос еле слышный.

— Удалось?

— Поймают... куда здесь денешься, если вокруг одни они?

— А если поймают, то что сделают? Убьют?

— Красивых не убивают сразу. Мучить будут долго, — ответила та, что рассказывала про гарем. — Ты думаешь, у меня кашель от болезни? Не было той болезни, пока я хозяйину не нагрубила. Вернее, хозяйский сынок лапаты стал, я ударила. Так избивали в ответ, что теперь едва дышать могу.

— А если всем сразу вдруг отказаться повинаться? Сразу всех не побьют?

— Побьют и всех сразу, на всех дубинок хватит.

Всю ночь Настя размышляла о том, как можно сбежать. Их и впрямь не связывали, руки берегли, не били. Она понимала, что это пока. Представить себе, что будет ласкать хозяина или кого-то подобного, просто не могла. Нет уж, лучше бежать, хотя бы попытаться, если не удастся, то убьют. Только бы без мучений.

Она попыталась и попалась тут же. Куда бежать-то, если вокруг степь и псы голодные?

И вот теперь стояла перед хозяином, а двое здоровенных слуг держали за плечи и руки. Вырваться бесполезно, но Настя уже знала, что делает, как только руки отпустят — метнется и вцепится ногтями в противную рожу Мустафы, да так вцепится, чтобы не сразу оторвали. А там будь что будет.

Чтобы крымчак не разглядел это намерение в ее глазах, опустила их долу, стояла, точно неживая.

Но наброситься на Мустафу не удалось, он кивнул, чтобы пока подержали так, и еще что-то приказал по-своему, непонятно что. Слуги вывели во двор трех огромных псов, рвавшихся с цепей, таких злых, что слюна капала с клыков. У Насти все обмерло внутри: зачем псы?!

— Всем смотреть! Не смейте закрывать глаза или отворачиваться!

Во двор втащили еле живую девушку. Кто-то, видно, узнал, ахнул:

— Марыся!

Ее оставили на коленях, подняться у бедняжки сил не было. И тогда...

— Глаза открыть! Смотреть!

Голос хозяина дошел почти до визга, потому что смотреть на то, как здоровенные псы рвали нежное девичье тело, не смог никто. Кто-то из девушек забился в истерике, а Настя просто повисла без сознания на руках у слуг.

Очнулась от выплеснутой в лицо воды. Хозяин протянул руку в сторону пировавших псов:

— Смотри! Смотри! Но это не твоя участь. Ты красивая и неглупая, я за тебя много денег получу. Запомни вот это, бежать надумаешь — я не тебя, сначала их по одной своим собакам скормлю или шкуру живьем спущу и на воротах повешу. Поняла? Будешь бегать — ловить не стану, но каждый день, пока не вернешься, по одной буду вот так! — его рука снова указала во двор.

Он брызгал слюной, глаза побелели от злости, руки в кулаки сжались от желания самому разорвать строптивую полонянку. Но денег жалко, потому стерпел, еще раз фыркнул, как дикий кот:

— Их жизни от тебя зависят!

Вечером он за какую-то провинность до полу-смерти избил одну из своих служанок, та тихо выла, валяясь в луже крови во дворе.

Девушка, помогавшая Марысе бежать, сошла с ума: она вдруг встала на четвереньки и с рычанием поползла к собакам, пытаясь отнять «добычу»; псы разорвали и ее.

Ночью никто заснуть не мог, Настя просто чувствовала, что два десятка глаз наблюдают за ней, не отрываясь.

— Я не сбегу, не бойтесь... Не сбегу...

Кто-то разрыдался, не выдержав, за первой принялась плакать еще одна, потом еще. Немного погодя плакали уже все, одна из девушек заголосила:

— Ой, мамо моя!..

Тут же прибежали слуги, принялись раздавать пинки налево-направо, но даже при свете факелов

умудрялись не задевать Настю — видно, было приказано беречь. Осознавшие это девушки стали за нее прятаться.

— Шайтан!

Их заперли, а на следующий день ни еды, ни даже воды не давали. Той, что оставалась в небольшом кумгане, хватило только на пару часов. Все сидели молча, напряженно ожидая, что же будет, и боясь подойти к двери.

Но кто-то из девушек все же не выдержал, в комнате жарко, воды нет, окон нет, дверь заперта... Прильнувшая к тонкой щели полонянка сначала молчала, потом тревожно сообщила:

— Они собираются куда-то! Грузят все.

— А... мы? Неужели нас оставят?!

Это означало бы медленную, мучительную смерть от жары и обезвоживания. Их комната и не комната вовсе, а амбар бывший, вернее, его закуток — тесный, грязный, но двери крепкие и снаружи подперты.

Головы как одна повернулись к Насте, словно она могла выпустить всех из этого амбара. Девушка смотрела на подруг по несчастью и понимала, что от нее ждут помощи и избавления.

Стоило шагнуть к двери, как подглядывавшая тут же отступила в сторону, то ли боясь, то ли признавая старшинство. Хотелось крикнуть:

— Какое старшинство?! Я сама девчонка!

Но она заколотила в дверь и закричала, прижавшись губами к щели:

— Эй! Эй! Позовите хозяина!

Подошел слуга:

— Чего тебе?

— Скажи хозяину, что я буду послушной!

Снаружи только хмыкнули, мол, кому твоя послушность теперь нужна?

— Я сделаю все, что он потребует! Клянусь!

Как легко слетела клятва с губ! Не давши слова — крепись, а давши слово — держись. Или наоборот? Все равно, поклялась, теперь должна быть послушной рабой.

Но клятва нечестная, дана извергу жестокому, который собакам двух девушек скормил. Настя обернулась к остальным и увидела в их глазах благодарность. Вот эти глаза, полные слез и мольбы, были куда сильнее любых клятв. Даже если завтра дверь окажется незапертой, а собаки далеко, она не побежит, потому что есть еще десять девушек, которых скормят голодным псам. Теперь их жизни зависят от нее, а ее собственная ей не принадлежит.

Пока думала, пришел хозяин. Спокойно оглядел всех, долго смотрел на саму Настю, чуть покачался с пятки на носок, засунув за пояс засаленного халата толстенькие пальцы, больше похожие на обрубки (Настя даже подумала, не отгрызли ли их те самые псы?), хмыкнул:

— Хорошо... сейчас дальше поедem.

Поехали, вернее, Настю и еще двух девушек посадили в повозку, остальные пошли следом. Она пыталась протестовать, но слуга замахнулся и перетянул плетью одну из с трудом ковылявших по-

лонянок, потом обернулся к Насте и назидательно произнес:

— За тебя! Ты болтать будешь, их бить будут.

Вот это плен так плен! Что там кандалы да плеть. Куда трудней, когда за тебя других бьют.

Так и ехали до самого побережья — Настя молча в повозке, страшно боясь чем-то не угодить хозяину или его слугам, а девушки следом, спотыкаясь и сбивая ноги и бдительно следя за тем, что делает или говорит эта славянка.

Настя плакала, хозяин снова пригрозил, что побьет подруг, пришлось даже слезы сдерживать. Постепенно она словно одеревенела, застыла в ожидании чего-то страшного. Никто больше не сбежал, но по пути трое умерли — та самая девушка, что кашляла, и еще две, тоже слабые. Их тела бросили на дороге на съедение бродячим псам.

Полонянок везли в Кафу, но до Кафы нужно плыть, а у хозяина кораблей не было, да и не собирався он так далеко, потому переуступил другим. Теперь их разделили: Настя с тремя девушками попала к крымчанину, который собирал красивых рабынь со всего побережья, чтобы продать на невольничьем рынке в Кафе.

Но ее саму не продали, Настя впервые услышала слово «бакшиш» — «подарок». Она подарок?

— Он же хотел за меня деньги выручить?

В последние дни, когда полонянок рядом уже не осталось, только двое, те, что ехали с ней в по-

возке, Настя придумывала, как наказать мерзкого хозяина во время продажи. Слышала такое от кашлявшей девушки. Когда покупать красивую пленницу приходит стоящий покупатель, вести себя нужно соответственно. Это означает, что перед молодым следует скромно потупиться и робеть, а перед старым, напротив, призывно глядеть в глаза, словно обещая рай на земле.

— Я тебе покажу рай на земле!

Настя решила, что если теперь наказывать за нее некого, то она опозорит хозяина перед всем рынком, и пусть тогда ее скармливают собакам!

Но ничего этого не вышло, ее подарили! Причем не новому хозяину, а через него кому-то в Кафе. Перевозивший их грек покачал головой:

— Повезло тебе.

— Почему?

— Обучат, попадешь в хороший гарем.

Снова говорили об учебе и о хорошем гареме. Еще одна девушка обнадеежилась:

— Пока учиться будешь, может, родные узнают, где ты, выкуп привезут.

— А чему учиться?

— Ой, многому. Но это если возьмут.

Настя сидела, обхватив колени руками, и смотрела на воду, которая оббивала борта, закручивалась водоворотиками и оставалась где-то позади. Еще пока ехали степью, на земле была надежда вернуться, а теперь она пропала. Как найти следы в море?